

(А3.9) Библиотека. Статьи

«У нас в одном “брендовом” монастыре был случай. Иеродьякон ночью кирпичами побил все пластиковые окна, вытоптал розы, согнул фонари с криками: “Туризм, говоришь? Музей?! Нет!.. Шутишь!!! Вот тебе туризм с музеем!” Монастырь всю ночь тихо внимал побоищу». Своими мыслями о духовном туризме делится священник Константин Камышанов. А что об этом думаете вы? «Правмир» приглашает к дискуссии о современном паломничестве. Пишите нам по адресу info@pravmir.ru.

Во что мы превращаем филиал Рая

Когда Пушкин писал стихи, он настрого запрещал его беспокоить. Особенно просил унять детей. Прежде чем начать учить народ, Серафим прошел искус созерцания и воздержания в течение десятков лет. И то вышел не сам, а по благословению Бога и Божией Матери.

Монастыри создавались для того, чтобы в уединении быть лабораторией духа, оранжереей, из которой берется рассада для насаждения епископов и духовников. Настоящий монастырь – это филиал Рая, в котором в тишине и молитве возвращаются люди, подобные ангелам.

Монастыри – как леса земли. Они дают кислород души. Выруби, вытопчи, благоустрой асфальтовыми дорожками – и планета умрет, задохнувшись в собственных испарениях. Монастыри нужно беречь, как реликтовые леса. Если они станут объектом туристической культуры, подобно пляжу и гостинице, то умрут, как умерла захламленная, чебуречная, музыкальная сочинская набережная и ее отравленное мутное море. Мусор, шаурма и пляжники задушат все.

Туристы, как тараканы, сожрали все пространство, от пустынных синайских монастырей до Соловков. Полуголые бездельники встречают рассвет на горе Синай. Где Моисей и где эти люди, оплатившие верблюдов, одеяла и арапчат, за деньги купившие возможность стать на место явления силы Бога? Это не духовность. Это сюр мещанства,

уверенного в своей духовности. Уверенного в своем праве сожрать все, что доступно.

Да, паломники были всегда, но чтобы возить их миллионами – автобусами, поездами, самолетами, – такого никогда не было. Да и не паломники это. Паломники на Соловках жили тысячами и годами трудились. А это что? Съел пирожок, перекрестился, и нету ваших!

Пришло такое время, когда никто нигде не может укрыться. Ни зверь, ни человек. За последними львами ходит толпа с кинокамерой. Из-под земли, из Марианской впадины все достанут, и если не сожрут, так сфотографируют. Везде скучающие дамы в пляжных шлепанцах на босу ногу, с мороженым, фотоаппаратом и розовым кошельком. Луна и Афон на очереди.

Зима спасет Соловки и Валаам. Но надолго ли?

Экспресс-старцы и демоверсия христианства

Преподобный Сергей и преподобный Серафим ни разу не были на Афоне. И что-то я не слышал, что те, кто бывает регулярно в паломнических поездках, спасается лучше тех, кто остается в городе. Зато я знаю, что те, кто дает хлеба нищим, помогает в больницах, поддерживает несчастных, спасаются точно.

Да, священник при необходимости может направить свое духовное чадо к конкретному человеку, в конкретном монастыре. Точно так же, как врач где-то в Кемерово, понимая, что в работе с данным пациентом ему не хватает квалификации, может отослать его в Москву. Но не для того, чтобы больной бродил по улицам столицы. Он может отослать, например, в институт МОНИКИ, но не для того, чтобы пациент шатался по коридорам и заглядывал в процедурные кабинеты и подсобки. Больные не ездят целыми автобусами и вагонами в институт клинических исследований сердца попить чаю с главврачом. Направляют к конкретному специалисту. Так должно быть и в духовной жизни.

Настоящий священник, как и настоящий врач, не имеет права убить, выполняя капризы

сумасшедшего и самовлюбленного больного. Он должен лечить. А лечение может длиться годами. Нужно соблюдать режим и регулярно принимать лекарства под наблюдением своего врача. При чем тут турпоездка в обитель?

«Духовный» туризм – чума монастырей. Но многим монастырям он нравится. И многие из них заточены на эту демоверсию христианства: игумены с показушными барашками на руках, монахи с волками, енотами и страусами, хлеб, мед, молоко, галантерея, колокола, постные супчики, оладушки, творожок с молочком, прогулка на источник, непрерывный треп туристов, экспресс-старец и пророчества за пять минут.

Экспресс-старцы делают вид, что духовно лечат. А экспресс-больные делают вид, что лечатся. Они нашли друг друга. Пьют экспресс-кофе, едут на экспрессах в экспресс-туры и подключены к экспресс-тарифам. Экспресс-жизнь, экспресс-любовь и экспресс-смерть. Все включено. Все, что НЕ нужно для настоящей жизни.

А приедут такие туристы домой – и грызутся там как собаки. Экспресс-старец поулыбался – и пошел гонять монахов метлой по монастырю. Спонсоры ушли на источник. Демоверсия выключена.

У нас в одном «брендовом» монастыре был случай. Иеродьякон ночью кирпичами побил все пластиковые окна, вытоптал розы, согнул фонари с криками: «Туризм, говоришь? Музей?! Нет!.. Шутишь!!! Вот тебе туризм с музеем!» Монастырь всю ночь тихо внимал побоищу. Старец с наперсником и родственником-настоятелем жил вдалеке и не слышал. Монахи хранили сугубое молчание и тихо молились на своих ложах, не считая нужным вмешаться.

Брат иеродьякон лупашил «красоту» всю ночь. Его, разумеется, выгнали...

Слава Богу, что страусов у нас нет

На всех автобусных остановках Рязани развешаны объявления об организованных нашествиях:

– К старцу Владимиру (от винопития), село...

– К монаху Илиодору на отчитку, монастырь...

– Поездка в монастыри: Дивеево, Коломну, Санаксар – 4 дня, 3 ночи...

– К батюшке Иоанну за советом...

...Стоимость такая-то, звонить по такому-то телефону...

Сейчас ни одна обитель, ни в какой глуши, не может скрыться от туристов. Везде достанут и заставят пить чай и слушать треп. Слава Богу, что Он миловал наш монастырь, расположенный в центре рязанского Кремля. Нет ни гостиных келий, ни монаха-экскурсовода, ни пасек, ни оладушков со старцами, ни пророчеств, ни отчиток, ни землицы, ни источников, ни енотов с верблюдами и алабаями. Слава Тебе, Господи, особенно за алабаев и страусов, что их нет. Туристы ходят сквозь обитель, но это ничего. Хоть не лезут. И пьяных гоняет кремлевская милиция.

Конечно, в Кремле всю дорогу городская тусовка. Песни орут в мегафон в самую службу. И это стало нормой. Как погожий день, так у города опять день рождения и пятница. У них этих пятниц пять дней в неделю. Закраться в обители, разумеется, нельзя.

Иностранцы – на первом месте. Их принимают без очереди, самые первые – это седьмая вода на киселе белой эмиграции. «Нам есть любопытно, как русские про Бога говорят... Невёроятно... Мы думали, тут красный метдвет с красным знаменем ходит». Приехали, как в зоопарк посмотреть на говорящую собачку, и им великое почтение. А что? Туристы!..

От этого нет защиты, словно монах туристам на смех и на растерзание дался, как ведро, в которое нужно слить помой с сердца, и чтобы погадал на будущее. Как бесплатный психотерапевт, как подушка-подружка...

Монастырское пространство считается у нас достоянием «народа». Но дух монастырей и время молитвы – разумеется, этому «народу» не достояние, а обуза. То молодожены шампанское наливают под окнами алтаря и кричат: «Горько!» То девки полуголые глазуют на монахов. Но это все ничего, по сравнению с Дивеево или иными «брендовыми» туробителями. У нас, в сердце Рязани, относительная внутренняя тишина.

В миру жил в тишине, а в монастыре – как на вокзале

Вот жил благочестивый муж. Ходил на завод или в контору. Тихо спасался. Был как тень. Всем привет и ласка. Обо всех помолится. Утром и вечером у него правило. На службе горит как свечка. Пред иконостасом стоит весь в созерцании. По сути дела, был невидимый монах. И вдруг колет его шилом, и делается зуд: «В монастырь!!!» Как чеховские сестры: «В Москву. В Москву. В Москву!!!»

Приходит в монастырь, и понеслось. Какое там созерцание! То туристы, то активисты, то епархиальный секретарь. Прощай, тишина сердца. Прощай, умное делание. Жил в тишине, а стал как на вокзале. Зачем пошел – сам не знает. Выдумал из головы книжный монастырь, а тут... То мужское общежитие с вином и барабанным боем в обители, то бесконечное занудное нытье паломниц. Куда попал?

Лежал крестом на полу, волновался до слез, думал принять ангельский облик, а выдают должность завхоза. Умом понять ничего нельзя. Мантия, крест, все дела, а на душе скребут кошки. Тут или обнаглешь, или монастырские фонари пойдешь лупашить бутылками.

Зачем в монастырь уходить, если весь день как на съемочной площадке Мосфильма? Дома тишины больше было. Монахи специально одевались в дерюги, чтобы их видно не было, а стали как поп-звезды.

Такая редкость и драгоценность – небесное масло, которое добывает монах в трудах и созерцании, в откровении служения и в чтении богодухновенных книг, туристами меняется на болтовню и творожок с молочком, на дешевую галантерею монастырской лавки.

Как в песне Башлачева:

- Нюсь, держи, а то помру
- В остроте момента!
- В церкву едут поутру
- Все интеллигенты.

- Были к дьякону, к попу ли,
- Интересовались.
- Сине небо вниз тянули –
- Фу ты, надорвались.

- Нету мотива
- Без коллектива.
- А какой коллектив –
- Такой выходит и мотив.

У монаха нет задачи спасти народ

В назойливом посещении монастыря, в который тебя никто не зовет, есть какая-то ужасающая духовная неделикатность и невежливость. Воровство драгоценных камней – грех, а воровство времени монаха – сугубое воровство. В уставах монастырей нет ничего о том, что эти полу-ангелы должны учить народ. Учительство – это особый дар. И оно осуществляется в самом народе: на кафедрах церквей, приходах, на проповеди словом и делом. Сам же монастырь – тихий сад, в котором невидимо зреют плоды и растут небесные цветы. Задача монаха не спасать народ, а спасти себя. Когда спасет себя, тогда, если Богу угодно, Бог благословит его поступить по слову преподобного Серафима:

– Стяжи мир, и тысячи спасутся вокруг тебя.

Но это не для всех. У Бога вообще нет иллюзий насчет народа. Он Сам прекрасно знает, что много званых, но мало избранных, и спасется только малое стадо. И задача Бога – не загнать весь гурт в Рай, а селекция насельников райского сада. Монастырь – это лаборатория Божией селекции, а никак не то место, о котором спел поэт:

- Как по райскому саду ходят злые стада;
- Ох измена-засада, да святая вода...
- Наотмашь по сердцу, светлым лебедем в кровь,
- А на горке – Владимир, а под горкой Покров...

- Бьется солнце о тучи над моей головой.
- Я, наверно, везучий, раз до сих пор живой,
- А над рекой кричит птица, ждет милого дружка –
- А здесь белые стены да седая тоска.

Нужна благодать? Послужи жене, как Христу

Как-то раз я был свидетелем такой сцены. Богатый человек просил моего друга составить ему компанию на Афон. А надо сказать, у богатых поездка на Святую гору стала комильфо. Солидный монастырь для солидных людей. Солидный Господь для солидных пацанов.

И друг отвечает:

«Все это здорово для нас с тобой. Выпивка в ресторане Уранополиса. Катер, чайки, турпоход. Бабы дома и не гудят. Дети... хорошие у нас дети, но вот раз в году – ну их подальше. Турпоход, рюмочка ракии. Нет. В Русик мы не пойдем. Там малороссы и цены высокие. Там невежливые монахи. Мы в сербские и греческие. Там в стасидиях поспим. Погуляем на осеннем солнышке по горам.

Нам будет хорошо. А монахам от нас? Вот мы, с такими рожами, возьмем да и припремся. Скажи мне, друг: зачем монахам видеть наши рожи?! Мы зачем туда придем? Чтобы показать им, какие бывают бесы в человеческом облики? Зачем?.. Вынести мозги прекрасным людям – монахам? Найти среди них таких же, как мы, и потолковать о маразме последних времен? Нас туда звал кто-нибудь?

Ты жене стал как Христос? Ты ведь это обещал, когда венчался с ней. Я же знаю, кто мы с тобой для жен – негодяи. Ты на работе послужил работникам, как хозяин Божиего виноградника? Нет? А чего ты на Афон прешься?

Скажи мне, что ты думаешь о Христе? Ты не знал, что Он вездесущий? И что в нашем приходском храме, на причастии, Он выезжает на ослике точно так же, как Он въезжал в Иерусалим? Чем тебе Христос не нравится в Рязани? Чем Он слаще на Афоне? Ты что, в Бога не веруешь?

Ты просто хочешь смыться от забот и позволить себе мальчишеский турпоход под благовидным предлогом. Не обманывай ни себя, ни Бога.

Вспомни, как Христос сказал мужику, который принес в храм жертву-корван:

– Не приму жертвы. Иди упокой отца, а потом приходи.

Санек, ты – миллионер. Купи, наконец, книжку про этикет. Стоит 200 рублей. Не вопрос. Погляди, как люди в гости ходят.

Почему бы нам не молиться в своем храме? Там Христос точно такой же. Кого мы ищем в православном туризме, если Бог всегда рядом?»

Монах, постригаясь, не давал клятвы быть пастырем или аниматором. Монах – от греческого *μόνος* – «одинокий, один».

А какие монахи могут быть в туристической обители? Какого они наберутся духа в этом рое клубящихся, часто развращенных, бездельников? Ясно, какого. И набираются. Какой старец может быть в обители, являющейся частью туристического бизнеса, – продолжением гостиницы, пляжа и сувенирных магазинов?

Разве монастырь должен быть тем местом, где можно забесплатно «вынести мозги» человеку, который принужден тебя слушать и не может никуда уйти, потому что идти ему некуда?..

Духовный туризм в его нынешнем виде – это жуткий суррогат и имитация духовной жизни. Нужна благодать? Послужите жене, как Христу. На Страшном Суде вас не спросят, сколько раз вы были на Афоне, а только о том, кому вы что хорошее сделали. Помните смертный час и главный вопрос Страшного Суда.

Царство Божие внутри нас, и нигде больше. Как говорил Серафим: «Тут, в этом лесу, мне и Иерусалим, и Иордан, и гора Фавор».

Что мы ищем вне сердца своего?

Священник Константин Камышанов

<http://www.pravmir.ru>